

И. Н. Стрекалов

Советские вещи — «действующие лица» нашей истории?*

**Рецензия на книгу: Голубев А. Вещная жизнь.
Материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2022. 328 с.**

Изучение советской истории, как показывает отечественный и зарубежный опыт науки, возможно посредством различных методологий. По-разному можно подходить к исследованию одних и тех же явлений, например политических или социальных процессов. Историкам привычен взгляд на эпоху через ее основных акторов — людей, т. е. исторических деятелей, представителей сословий или классов, обывателей, которые оставили после себя какие-то следы своей деятельности, будь то делопроизводственные акты или дневники. Историк Алексей Голубев в своей новой книге «Вещная жизнь. Материальность позднего социализма», вышедшей в США в 2020 г. и переведенной на русский язык, опубликованной издательством «Новое литературное обозрение» в 2022 г., предлагает принципиально новый взгляд на советскую (и, в частности, позднесоветскую) эпоху — через предметы материального мира, вещи.

Голубев во введении к своему исследованию утверждает, что «материальные предметы и пространства брали на себя функцию базовых элементов общественной жизни». При этом, отмечает автор, становясь самостоятельным ак-

* Статья подготовлена в рамках грантового проекта РФФИ № 20-09-00218.

тором в исторических реалиях, предметы организовывали социальную жизнь человека и действовали в параллели, а то и как бы в обход официальной идеологии и политики. Чиновники, будучи «ситуационными материалистами», беспокоелись, отмечая в своих отчетах, докладах и других служебных документах препятствия, которые материальные трудности (а отнюдь не только недисциплинированные рабочие, крестьяне и т. д.) создают на пути к выполнению государственного или партийного задания. По мнению историка, нельзя недооценивать значение такого фактора в жизни позднего СССР, как «стихийный материализм» — понятие, которое впервые употребил еще один из классиков марксистского учения Фридрих Энгельс. Интересно, что Голубев считает, что подобная роль «стихийного материализма» в жизни общества характерна не только для советского опыта, но и для мирового, и в этом смысле он ставит вопрос о Советском Союзе как «модерновом» государстве, которое, несмотря на идеологическую или политическую обособленность от остального мира, испытывало на себе те же процессы «стихийного материализма», что и в других странах в разных уголках нашей планеты.

Автор книги, таким образом, методологически исходит из происходящего с начала XXI столетия «материального поворота» в исторической науке, т. е. концентрации внимания на роли предметов материального мира в жизни людей той или иной эпохи — он активно конкурирует с «антропологическим поворотом», в котором, как известно, центром притяжения историков стал человек, его чувства, эмоции, мысли. Но Голубев справедливо замечает (и в этом историографическая новизна его работы), что традиционно исследования о материальности в позднем СССР, который представляет для него наибольший интерес, вписываются в контекст анализа советской политики, т. е. предметы и пространства изучаются как средство власти для достижения ею какой-либо цели. Однако, как пишет во введении автор, вещи могут выступать не только средством или объектом, но и субъектом в историческом процессе, они, по словам историка, «выходят на историческую арену и стимулируют исторические изменения».

Работа Алексея Голубева строится из шести глав, каждая из которых описывает совершенно разные аспекты материальности позднего СССР. В качестве исследуемого материала автор использует как книги и журналы, издававшиеся в советское время, так и архивные документы (в частности, использованы фонды архивов Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга), а также, что немаловажно, переданы рассказы респондентов — очевидцев эпохи, тех, кто непосредственно взаимодействовал с предметами материального мира, которые привлекли внимание автора. В совокупности эта источниковая база дает довольно-таки любопытную картину материальности позднего СССР как поля воздействия на жизнь советского общества и государства.

Так, особое внимание исследователь уделяет в главе 1 так называемому производственному языку. «Восхищение машинами» как материально-технической базой строительства коммунизма, объявленного Н. С. Хрущевым,

проводилось через разные каналы: фотографии фактически возродили авангардное искусство, показывая повседневность и быт рабочих, тема освоения космического пространства стала одной из центральных в конце 1950-х — 1960-е гг. «Страсть к технике», по мысли автора книги, стала подаваться едва ли не как основная черта советского человека, и отдельные деятели советского общества основательно педалировали подобную идею: так поступал редактор журнала «Моделист-конструктор» Юрий Столяров, так делал и Генрих Альтшуллер, автор теории решения изобретательских задач и теории развития творческой личности, проводивший мысль о включении научно-фантастической литературы в учебную программу для развития творческого мышления у будущих инженеров. Журналы «Катера и яхты», «Радио», телепередача «Это вы можете» показывали, как можно самостоятельно изготовить с помощью подручных средств те или иные технические приспособления, чтобы использовать их в быту. Но, признает исследователь, подобный «техноутопизм» остался в локальных рамках — на выставках достижений подобные самодельные изобретения и аппараты появлялись в очень малом количестве, и большинство людей лишь интересовалось подобными поделками, не стремясь к самостоятельному техническому творчеству.

В своем исследовании Голубев обращает особое внимание на то, как в позднем СССР развивается дискурс о национальной русской истории, который, по сути, имел мало общего с марксистско-ленинской идеологией, официально провозглашенной в государстве. Этот дискурс развивается именно через материальность — так, например, технические кружки, общества любителей моделирования нередко мастерили модели самолетов, кораблей, изготовленных государством и представляющих разные эпохи истории России, и это приводило к соединению в сознании любителей моделирования Древней Руси, Российской империи и советской эпохи в одну историческую линию. Особую роль, по мнению автора книги, в этом играла фетишизация деталей, например, воссоздание точной обстановки на палубе судна, в кабине летчика и пр., а также создание своеобразного домашнего архива с описанием моделей коллекции (год постройки модели, в каких боевых действиях принимало участие транспортное средство, кто совершил на нем подвиг и т. д.), что способствовало тщательному закреплению национального исторического материала и его встраиванию в одну линию единого восприятия с общей историей СССР. Но само по себе большое внимание к национальной истории, к культурной архаике, конечно, не имело чего-либо общего с постулатами марксизма-ленинизма и перспективами строительства коммунизма в стране. Тем не менее в архитектуре материальность приводила также к расцвету национальной культуры и истории. Примером тому для Алексея Голубева служит музей-заповедник «Кижы» в Карелии, воссозданный архитектором А. Ополовниковым в 1970-х гг. Автор, как видно по примечаниям в соответствующем разделе, даже ознакомился с фондами музея. Особую роль Голубев отводит лиризму карельского пейзажа, карельской воде и, конеч-

но, текстуре дерева. Через последнюю люди стремились вписать свое местное, национальное Я в национальный исторический контекст в условиях сосредоточения внимания на культурном наследии в эпоху позднего социализма. Также, по мысли исследователя, имела место попытка включения деревянного зодчества в «пантеон социалистических пространств». Способствовало интересу к восстановлению национальной истории и созданию клуба «Полярный Одиссей» в 1978 г., в рамках деятельности которого, например, судно с красноречивым названием «Помор» дошло до Шпицбергена летом 1989 г.

Возможно, наиболее интересной (и близкой) для читателя будет вторая часть книги из трех глав (с 4-й по 6-ю), в которых Голубев обращает внимание на взаимодействие людей с предметами повседневности, так или иначе всем хорошо знакомыми. Так, в главе 4 речь идет о местах общего пользования в пространстве жилища — о подъездах и лестничных площадках. По мнению автора, эти предметы материального непосредственно формировали эмоциональное Я советских граждан. Минимизация мест общего пользования, задуманная властями с начала массового жилищного строительства в середине 1950-х гг., создание жилищно-эксплуатационных контор, а затем и домовых комитетов из числа жителей микрорайонов для контроля над порядком, тем не менее не устранили проблему скопления людей в подъездах и на лестничных площадках. Они создавали группы, которые «бросали вызов» общепринятым социальным нормам. Как выражается исследователь, зоны общего пользования стали «ареной» интимных отношений мужчин и женщин, девушек и молодых людей, стремившихся обустроить личную жизнь в условиях тесного проживания с родственниками, недоступности гостиниц и суровых климатических реалий. Стены подъезда, постоянная темнота в нем породили хулиганов как особую группу подростков, стремящихся уйти из-под контроля родителей и навязываемых ими социальных условностей. Имело место, как выражается исследователь, «эмоциональное взаимодействие» подростков с пространством подъезда, когда они, к примеру, портили побелку потолка зажженными спичками. Власть, однако, смотрела это как на социальное (а не индивидуальное) отклонение, путь решения проблемы виделся в усилении воспитательной работы: внеклассные формы занятия со школьниками, воспитание примером сознательных советских граждан во время поездок по «местам революционной и боевой славы», организация кружков и обществ любителей (скажем, того же моделирования) и пр.

Другой, не менее интересный пример материальности позднесоветского, который может быть знаком читателю, — культуристы и подвальные спортзалы. Здесь речь идет о том, как «железо» (штанга) формирует личность человека в особых пространственных условиях — в созданном в подвале дома спортивном зале в условиях, когда культуризм в СССР становился «серой зоной» спорта, будучи не запрещенным, но весьма осуждаемым. Автор справедливо отмечает, что, если так можно выразиться, «идеологами» этой «концепции железа»

были врач Гавриил Илизаров, придумавший аппарат для сращивания костных переломов и исправления деформаций, и гимнаст Валентин Дикуль, создавший комплекс упражнений с грузами, выполняемых больным в домашних условиях, способный излечить человека. С одной стороны, это была реинкарнация раннесоветского мифа о «силе железа», с другой, опять же, ход вразрез с официальной идеологией, подчеркивавшей силу коллектива, поскольку тот же Дикуль, по сути, говорил об автономизации организма человека, способного без посторонней помощи, своими силами справиться с болезнью. В этих условиях подвальные спортзалы, создаваемые любителями культуризма, не будучи поощряемыми властями, формировали новый тип личности среди советских граждан, причем некоторые из них, как «люберы» (из г. Люберцы), претендовали на включение в нормальный советский образ жизни и его поддержание, даже если окружающие порой так их не воспринимали.

Наконец, особенно интересной выглядит последняя, 6-я глава исследования, посвященная роли телевизора в позднесоветском пространстве. Автор задается вопросом, почему появившиеся в годы перестройки Анатолий Кашпировский и Аллан Чумак, чьи «лечебные сеансы» транслировались по ТВ, вызывали такой огромный интерес у вполне образованных советских граждан. Ответ на него, в отличие от многих исследователей, Голубев видит не в личности самих «целителей» и не в «легковерности» зрителей, а в особой роли телевизора в повседневной жизни советских граждан, в том, что просмотр телепередач превратился в особый ритуал в позднесоветское время, в том, что телевизор изменил пространство жилища советского человека и его образ жизни. По мнению автора, во время просмотра «лечебных сеансов» у зрителей появлялась «надежда на собственное исцеление в стенах личного пространства в то время, как рассыпалось тело советской нации».

Интересно, что Алексей Голубев в течение всего повествования обращает внимание читателя и на то, как тенденции взаимодействия материальности с советским обществом повлияли на то же взаимодействие, но в современной России. По его мнению, моделирование самолетов и кораблей сыграло после распада СССР (и продолжает играть) роль некоего объединяющего культурного фундамента, развивающего идею патриотизма, столь необходимую России в условиях поиска некоего дискурса, способного объединить общество. Интерес к национальной истории и культуре, к исторической «подлинности» через традиционное зодчество, появившийся в позднесоветское время, породили современную ностальгию по деревянному зодчеству и стремление «возродить» «утраченные» культурные традиции. При этом, например, «подъездная» культура во многом оказалась утраченной благодаря развитию современной инфраструктуры в виде замков и домофонной связи.

Безусловно, работа Алексея Голубева представляет несомненный исследовательский интерес, книга написана живым языком на богатом источниковом материале, при этом не теряется научная концептуальность и методологическая

основа работы. В то же время, конечно, автор мог бы более широко раскрыть перед читателем архивные документы, особенно это касается глав 1–3, поскольку дальше цитаты даются достаточно пространно и полно, а в первой половине книги, когда речь идет о производственном языке, моделировании и национальной истории, стоило, конечно, «насытить» текст прямой речью современников эпохи, используя в том числе карельские и петербургские неопубликованные источники из архивов. Кроме того, можно было привлечь не только северо-западные (с географической точки зрения) архивы, но и изучить для контраста и сопоставления, к примеру, архивы южных регионов страны, где наверняка тоже имели место свои специфические способы взаимодействия людей с материальностью. Иногда автор дает ссылки на архивные дела, но не раскрывает содержательную их сторону, а было бы интересно, например, как тот же «Комсомольский прожектор», созданный Ленинградским обкомом комсомола, пытался предотвратить возможные контакты и скопления людей в местах общего пользования, т. е. более подробно и наглядно раскрыть этот частный сюжет. Кроме того, в ряде случаев чисто технически автору стоило бы поправить примечания, поскольку он ссылается на нормативно-правовую базу или справочные сведения по интернет-ссылкам, в то время как, скорее всего, все указанные сведения опубликованы в каком-то бумажном источнике, который можно оформить согласно традиционно принятым правилам библиографии.

Тем не менее работа Алексея Голубева, несомненно, найдет отклик в умах российских исследователей позднесоветской эпохи. Она показывает, что отнюдь не только власть с помощью вещей и пространств организовывала общество, но и, как ни парадоксально, эти вещи и пространства играли самостоятельную роль в формировании сознания советского человека, идя в параллель или даже в обход официальной идеологии. В представлении автора Советский Союз в этом взаимодействии с материальностью ничем не отличается от других государств мира, а советское общество, по словам исследователя, является «сложной исторической сущностью», которую элита так и не смогла превратить в контролируемый объект. Одним словом, книга Алексея Голубева дает нам возможность совсем под иным, чем прежде, углом зрения посмотреть на развитие советской истории и задуматься о пересмотре ряда устоявшихся в отечественной исторической науке позиций.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Н. Стрекалов. Советские вещи — «действующие лица» нашей истории? Рецензия на книгу: Голубев А. Вещная жизнь. Материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2022. 328 с. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 200–206

Аннотация: Книга историка Алексея Голубева «Вещная жизнь. Материальность позднего социализма» рассказывает о том, какую важную роль в повседневной жизни советского человека и общества позднего СССР играли вещи, обстановка, пространства. Автор использует понятие «стихийный материализм», показывающее, что материальность являлась не только объектом деятельности людей или средством власти для создания определенных политических и идеологических условий, но и выступала в качестве самостоятельного актора, формирующего личность советского гражданина и устои советского общества, нередко делая это в обход предписаний власти и, по сути, являясь ее конкурентом в вопросах формирования идеологии общества. В центре внимания исследователя такие предметы материальности, как производственный язык, модели различных объектов, памятники деревянного зодчества, подъезды и лестничные клетки жилых домов как места складывания неформальных социальных групп, «культ железа» как средство формирования непризнанной группы спортсменов — культуристов, телевизор как актор ритуала в повседневной советской жизни жителя квартиры. Рассмотренные документальные и фактические сведения, утверждает Голубев, дают возможность говорить о модерности Советского Союза как государства, в котором проходили те же процессы, связанные с влиянием материальности на общество, что и в других странах мира.

Ключевые слова: материальность, язык, моделирование, деревянное зодчество, подъезд, жилой дом, культуризм, телевизор, модерность, Советский Союз, позднесоветское.

FOR CITATION

Ilya N. Strekalov. The Soviet things — “characters” of our history? A review on the book: Golubev A. ‘Veschnaya zhizn’. The materiality of the late socialism. Moscow: NLO, 2022. 328 p. // Petersburg historical journal, no. 1, 2023, pp. 200–206

Abstract: The book “‘Veschnaya zhizn’. The materiality of the late socialism” by historian Alexei Golubev tells about an important role of the things, settings, spaces in the daily life of the Soviet person and society of the late USSR. The author uses the concept of “spontaneous materialism”, which shows that materiality was not only an object of human activity or a means of power to create certain political and ideological conditions, but also aimed as an independent actor that forms the personality of a Soviet citizen and the foundations of the Soviet society, often doing this in circumstances of bypassing the prescriptions of power and, in fact, being its competitor in the formation of the ideology of society. The researcher focuses on such materials as the production language, models of various objects, monuments of wooden architecture, entrances and staircases of residential buildings as places of folding informal social groups, the “cult” of iron as a means of forming an unrecognized group of athletes — bodybuilders, TV as an actor of the ritual in the daily Soviet life of an apartment resident. As Golubev claims, the considered documentary and information makes it possible to talk about the modernity of the Soviet Union as a state in which the same processes related to the influence of materiality on society as in other countries of the world took place.

Key words: materiality, language, modeling, wooden architecture, entrance, residential building, bodybuilding, TV, modernity, Soviet Union, late Soviet.

Автор: Стрекалов, Илья Николаевич — к. и. н., независимый исследователь, Москва, Россия.

Author: Strekalov, Ilya Nikolaevich — PhD in History, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: strekalov4@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0877-0435